

М. Н. Суворов

РЕАЛИЗМ И МОДЕРНИЗМ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ СТРАН АРАВИИ

Процесс обновления арабской литературы, т.е. отхода ее от канонов, сложившихся в эпоху классического мусульманского средневековья, и заимствования идейно-художественного опыта литератур стран Запада, начался, как известно, в Египте, Ливане и Сирии еще в середине XIX в. Страны Аравийского полуострова стали присоединяться к этому процессу гораздо позже, начиная со второй трети XX в. В силу потребностей аравийского общества того времени, нуждавшегося прежде всего в просвещении, основным идейно-художественным направлением в зарождавшихся новых аравийских литературах становится просветительство с выраженными чертами сентиментализма и частично романтизма. Однако ожидавшие страны Аравии вскоре после окончания Второй мировой войны социально-политические потрясения и серьезные социально-экономические трансформации во многом лишают просветительскую идеологию актуальности, и основным вектором развития литературы здесь становится реализм. Огромную роль в распространении в литературах Аравии реалистического метода освоения действительности сыграли и послевоенная интенсификация контактов между интеллектуальными кругами разных арабских стран, и интенсивное развитие общеарабского информационного поля: печатной прессы, затем радио, затем телевидения. Именно на этапе развития реалистического направления в аравийских литературах окончательно формируются современные художественные прозаические жанры: очерк, новелла, роман, пьеса. Одновременно эти литературы приобретают выраженные национальные черты, определяемые как особенностями культуры, быта, общественной и политической жизни аравийских стран, так и особенностями местных наречий арабского языка, вводимых в повествование.

В Иордании толчком к развитию реалистического направления в литературе послужила трагедия палестинского народа, которая затронула страну самым непосредственным образом и не имела никакого решения в рамках просветительской идеологии, так как не была связана ни с уровнем культуры, ни с уровнем нравственности двух народов: еврейского и палестинского. С конца 40-х годов палестинская проблема стала «определяющей в творчестве иорданских писателей, важнейшим показателем национальной специфики иорданской литературы» [1, с. 124]. Роман Абд аль-Халима Аббаса «Девушка из Палестины» (1949) — первый в Иордании роман, посвященный палестинской трагедии, — считается одновременно и первым в национальной литературе опытом реалистического романа, в котором показано влияние социальных и исторических обстоятельств на формирование личности героев. Интенсивный приток в Иорданию с конца 60-х годов палестинских беженцев, многие из которых обладали сформировавшимся социально-детерминистским взглядом на жизнь, были начитаны в современной им литературе Египта, Ливана и Сирии и активно сотрудничали в иорданских печатных изданиях, способствовал быстрому переходу национальной литературы на позиции реализма.

В Йемене реалистические тенденции в литературе стали набирать силу с начала 60-х годов — на волне резкого подъема национально-освободительного движения в Адене, тогда британской колонии, сопровождавшегося развитием партийной прессы, которая предоставляла свои страницы местным прозаикам и поэтам. Тяжелая социально-экономическая обстановка в Адене, массовое стремление к изменению общественно-политического строя как в Южном, так и в Северном Йемене, начавшаяся партизанская война против англичан — все это очень быстро лишило просветительские идеи актуальности и породило в местной творческой среде политизированный взгляд на окружающую действительность, результатом чего стал переход литературы от просветительства к реализму. Рассказы героико-романтического и реалистического характера в эти годы публикуют Салех ад-Даххан, Ахмед Махфуз Омар, Абдаллах Бавазир, Али Базиб, Абд аль-Маджид аль-Кады, Камаль Хайдар и другие авторы; окончательное же закрепление реалистического направления в литературе Йемена связано с творчеством Мухаммеда Абд аль-Вали, писавшего в те годы малую и большую прозу. В 70-е годы, после образования двух независимых йеменских государств, НДРЙ и ЙАР, героико-романтическое направление в национальной литературе почти сразу затухает, так и не получив существенного развития. Реалистические новелла и роман, посвященные оставшимся не решенными многочисленным социально-политическим и культурным проблемам, приобретают истинно национальный колорит в творчестве таких североеменских авторов, как Зейд Даммадж, Рамзия аль-Ирьяни, Мухаммед Мусанна. В Южном Йемене, вставшем на социалистический путь развития, в это время пропагандируется метод социалистического реализма, следование которому не приводит здесь к созданию ни одного зрелого в художественном отношении произведения¹.

В Саудовской Аравии и странах Персидского залива формирование реалистического направления в литературе оказалось связанным не с социально-политическими потрясениями, как это было в Иордании и Йемене, а с резким ускорением темпов экономической модернизации, вызванным нефтяным бумом 70-х годов. В это время в нефтедобывающих странах интенсивно развиваются пресса и система образования, идет постоянный приток интеллигенции, в том числе творческой, из других арабских стран, сотни молодых аравийцев отправляются на учебу в арабские, европейские и американские университеты. За границей молодые люди получают представление о другой культуре, другом образе жизни, меняя свое отношение к традиционному социальному укладу в собственных странах, к ценностям и понятиям, регулирующим поведение человека в аравийском, или даже вообще мусульманском обществе. Старые просветительские идеи при этом теряют свою актуальность: огромные нефтяные доходы сами по себе обеспечивают рост благосостояния населения, создавая ощущение всеобщего благополучия. В этих условиях одним из главных общественных конфликтов становится противостояние обладающих разным жизненным опытом «отцов» и «детей» в вопросе модернизации общественных нравов, сохранения собственных культурных традиций или заимствования западных. Эта тема дает определенную пищу для просветительского морализаторства, все еще сохраняющегося в литературах Аравии, но одновременно заставляет писателей рассматривать этот конфликт в реалистическом ключе.

Наиболее остро противостояние «отцов» и «детей» выражается в отношении к неполноправному положению женщины в обществе, что делает женскую тему едва ли

¹ О йеменской художественной прозе XX в. см. [2].

не центральной в художественной литературе аравийских стран. Изображение типичных женских судеб, внутреннего мира страдающих героинь само по себе становится важным фактором формирования здесь реалистического направления и одновременно характерной чертой новых литератур стран Аравии. Особенно яркое выражение женская тема получает в творчестве аравийских писательниц, число которых в результате развития женского образования и модернизации домашнего быта, освобождающей женщину от многих трудоемких занятий, постоянно растет, приближаясь к числу авторов-мужчин. В произведениях последних критике часто подвергается и половая сегрегация, невозможность свободного общения с женщиной, заставляющая неженатого мужчину постоянно испытывать чувство неудовлетворенности, ярко изображенное, например, в рассказах известного кувейтского писателя Исмаила Фахда Исмаила (сборник «Бурое пятно», 1965).

Другой темой, стимулирующей развитие критического реализма, становится изображение тяжелой жизни трудовых иммигрантов — арабов и не арабов, — которые в нефтедобывающих странах Аравии составляют значительную долю населения. Этот социальный слой оказался здесь как бы двойником тех «угнетенных классов», чье бедственное положение стало в свое время причиной распространения в творческих кругах Египта, Ливана и Сирии левых идей, способствовавших окончательному вызреванию в литературах этих стран критического реализма. Можно отметить, что произведения аравийских авторов, посвященные теме иммигрантов, в большей степени, чем какие-либо другие, несут в себе черты критического реализма. Впервые отчетливо прозвучавшая в рассказах Исмаила Фахда Исмаила (сборники «Бурое пятно», 1965, «Клетки и общий язык», 1974), дальнейшее развитие эта тема получила в творчестве другого кувейтского писателя Талеба ар-Рифа'и (сборник «Да здравствует Абу Адждадж!», 1992, роман «Тень солнца», 1998), в рассказах Насера аз-Захери и Абд аль-Хамида Ахмеда из ОАЭ.

Хотя черты реализма появились в литературах некоторых нефтедобывающих стран Аравии, как мы видим, еще в 60-е годы, а знакомство с образцами арабской и западной реалистической литературы проходило здесь чрезвычайно динамично, развитие реалистического направления в собственных литературах этих стран в течение долгого времени сдерживалось рядом внутренних факторов социально-политического и культурного характера. Главным из этих факторов является существование жесткой государственной и религиозной цензуры, не позволяющей писателю касаться вопросов религии, политики, интимных отношений между мужчиной и женщиной. Любой литератор, пытающийся нарушить эти табу, рискует подвергнуться гонениям, оказаться в тюрьме или в изгнании.

Другой фактор, присущий всем странам Аравии без исключения, состоит в своеобразной самоцензуре автора. В условиях аравийского общества, которое до сих пор во многом остается традиционным, писатель в своем самовыражении настолько связан религиозными, сословными, гендерными и прочими ограничениями, что он не только не может откровенно высказывать свое мнение по многим вопросам, но зачастую само его мнение является предвзятым, необъективным, сформированным исключительно его собственной конфессиональной, сословной или племенной средой, от которой во многом зависит его личное благополучие. Все это приводит к тому, что ему не удается объективно представить характер отношений между личностью и обществом, выставить напоказ внутренний мир своих персонажей, показать истинную мотивацию их

поступков. При этом основным мотивом в литературе является не вызов, осознанно бросаемый личностью обществу, а трагедия человека, неспособного удовлетворить ожидания и требования общества. Так, характеризуя преобладающий тип конфликта в произведениях современной прозы Кувейта, польская исследовательница Б. Мишалак-Пикульска пишет: «Мужчина должен иметь силу, материальный достаток и хорошее общественное положение, выражающееся в занимаемой должности и принадлежности к влиятельной семье. От женщины требуется полное подчинение, добросовестное выполнение домашних обязанностей и способность производить многочисленное потомство. Если один из перечисленных элементов отсутствует, общество реагирует безжалостно, выкидывая человека на обочину жизни» [3, р. 49]. Позиция писателя при этом часто заключается в простом сочувствии к такому человеку, в призыве пощадить его, а не в отрицании общественных устоев. Как справедливо отметил известный российский востоковед А. М. Васильев, написавший предисловие к сборнику переводных рассказов писателей Аравии 70-х годов, большинство этих рассказов «не выходят за рамки традиционного подхода мусульманского общества к проблеме богатства и нищеты», заключающегося в идее сострадания имущих к неимущим, и едва ли могут восприниматься «как выражение качественно нового социального сознания» [4, с. 8]. Вкратце этот недостаток арабской реалистической прозы можно охарактеризовать тем же выражением, какое использовала В. Н. Кирпиченко, говоря о слабости египетского романа первой трети XX в., а именно «недостаточной напряженностью силового поля между двумя полюсами — человеком и обществом» [5, с. 22]².

Немаловажную роль в «скованности» арабского автора играет еще одно обстоятельство. Массовое сознание населения стран Аравии до сих пор еще склонно воспринимать описываемое в художественном произведении как личный опыт автора. Автор поэтому показывает лишь те ситуации и те стороны внутреннего мира своего героя, которые, будучи воспринятыми как личный опыт автора и как черты его собственного внутреннего мира, не смогут испортить его общественную репутацию. Все это лишает произведение сюжетной остроты, психологизма, и в результате — художественной зрелости.

Изложенное выше во многом объясняет, почему развитие реалистического направления в литературах стран Аравии до момента появления в этих литературах модернистских тенденций, т. е. до середины 70-х годов, не привело к созданию крупных произведений, которые можно было бы назвать образцами зрелого реализма. Первые такие произведения, в которых реалистически изображены не только внешние обстоятельства, но и внутренний мир человека, появились позже, уже в 80-е годы. В их числе романы «В осаде» (1983) бахрейнки Фаузии Рашид, «Аль-Васмия» (1984) саудита Абд аль-Азиза Мишри, «Заложник» (1984) йеменца Зейда Даммаджа, «Женщина и кошка» (1985) кувейтки Лейлы аль-Усман, «Бадрия» (1989) кувейтца Валида ар-Руджеййиба, «Песня воды и огня» (1989) бахрейнца Абдаллаха Халифы, «Трое полуночников» (1989) йеменца Са'ида Аулаки. Другие произведения большой прозы 70–80-х годов, как правило, объединяли в себе черты реализма, романтизма, входящего в моду модернизма, часто с сохранением свойственной просветительству назидательности. Так, например, в многочисленных романах Исмаила Фахда Исма-

² Сама В. Н. Кирпиченко использовала здесь выражение И. Д. Никифоровой из ее монографии «Африканский роман» (М., 1977).

ила, посвященных разным эпизодам новой и новейшей истории арабского мира, реалистический сюжет, обычно основанный на документальном материале, всегда сочетается с различными модернистскими приемами, такими как поток сознания, и с характерным для романтизма образом главного героя, обладающего выдающимися личными качествами, невероятным патриотизмом, никогда не сомневающегося и не страшась смерти. В романе Лейлы аль-Усман «Васмия выходит из моря» (1986) острая социальная критика, направленная в адрес сословного расслоения кувейтского общества, воплощена в романтическом сюжете, отсылающем читателя к средневековым арабским преданиям о разлученных влюбленных. В романе писателя из ОАЭ Али Абу-р-Риша «Признание» (1982) главная, сентиментально-назидательная сюжетная линия вписана в реалистически изображенную картину жизни страны периода модернизации. Сочетание черт просветительства и реализма присуще произведениям большинства оманских авторов 70–80-х годов: Ахмеда Биляля, Махмуда аль-Хусайби, Су‘уда аль-Музаффара, Сейфа ас-Са‘ди, Али аль-Кальбани, Садека аль-‘Абдавани, Хамада ан-Насери, Хамада б. Рашида б. Рашеда (см.: [6]). Примеров подобного объединения черт разных художественных направлений в одном произведении в аравийской литературе очень много.

Относительное «созревание» реалистического направления в аравийских литературах пришлось, таким образом, на тот их этап, который можно уже назвать модернистским. Вероятно, именно описанные выше препятствия, стоявшие на пути развития реализма, объясняют ту готовность, с которой писатели стран Аравии заимствовали у своих египетских и ливанских собратьев по перу модернистскую манеру письма с ее отказом от изображения объективной реальности, интересом к подсознательному (а не сознательному), возможностью конструирования субъективного образа мира, часто сюрреалистического, иррационального. Хотя аравийские авторы вполне могли быть знакомы с арабскими переводами и интерпретациями работ З. Фрейда, Ж. П. Сартра и Р. Гароди, ставшими идеологической базой развития модернизма в литературах Египта, Ливана и Сирии, едва ли это знакомство само по себе могло сформировать у них новый взгляд на задачи литературы, да и реалистический метод не мог еще стать для них «устаревшим», каким он стал для египетских новеллистов «новой волны» 60-х годов (о них см.: [5, с. 111–193]). Скорее всего, именно сложность изображения объективной реальности в условиях всевозможных общественно-моральных и цензурных ограничений стала главной причиной увлечения аравийских писателей модернизмом — спустя лишь десятилетие после того, как это направление утвердилось в литературах Египта и Ливана. Впрочем, нельзя отрицать и ту роль, которую в распространении модернизма могло сыграть изменение собственного мироощущения аравийских авторов. В нефтедобывающих странах это изменение было вызвано разрушением привычного духа родоплеменной сплоченности, жесткостью новых правил деловой жизни, длительным пребыванием молодых людей в «неуютной», чуждой для них среде за рубежом. В Йемене, где основной формой модернизма стал мрачный иррационализм и сюрреализм — по подобию египетского модернизма 60–70-х годов (о нем см.: [5]), — это изменение было порождено атмосферой разочарования, общественного пессимизма, сложившейся в обеих частях страны в 70–80-е годы. В Иордании же оно было вызвано крахом надежд на решение палестинской проблемы и отсутствием в этом вопросе какой-либо перспективы. Не случайно основными мотивами в модернизме всех аравийских литератур — сначала в жанре новеллы, а позже и в романе — становятся

чувство отчуждения, ощущение иррациональности мира, потеря жизненных ориентиров и надежд на будущее. «Ощущение кризиса пронизывает весь текст, — пишут о модернистской новелле авторы предисловия к антологии современной саудовской литературы, — словно все тревоги личности слились с общим напряжением в обществе, кризис охватил все сферы, в том числе интеллектуальную и психологическую. Речь идет в первую очередь о чувстве отчуждения, от которого страдают почти все герои рассказов этого поколения» [7, с. 31]. И далее: «Новеллисты этого поколения не выдумали чувства отчуждения и писали о нем вовсе не потому, что “вычитали” его в произведениях других авторов. Совсем наоборот, они жили в этой атмосфере отчуждения и страдали от нее и в личной жизни, и в работе» [7, с. 33].

Таким образом, причинами быстрого распространения модернистского направления в литературах стран Аравии можно считать и сложившуюся в этих странах общественную атмосферу, сходную с той, которая ранее стала почвой для развития модернизма в Египте и Ливане, и существующие здесь препятствия для развития реалистического направления. При этом модернистский этап развития аравийских литератур в хронологическом отношении, как мы видим, существенно наложился на этап реалистический, а в случае литератур ОАЭ, Катара и Омана можно говорить об их полном совпадении.

Если в 70–80-е годы модернизм в литературах Аравии затронул преимущественно жанр новеллы, то начиная с 90-х годов здесь появляется большое число модернистских романов, написанных в широком спектре стилей. Это, например, смешение реалий современной жизни с мотивами арабского средневекового наследия, народных преданий и поверий, как в романах саудитов Абд аль-Азиза Мишри «Крепость» (1992) и Раджи Алем «Шелковый путь» (1995). Это сплошной поток сознания полубезумного героя, как в романах йеменских авторов Набили аз-Зубейр «Это мое тело» (2000) и Самира Абд аль-Фаттаха «Повесть господина М» (2007). Это мозаика тщательно выписанных мелких предметных частностей, выхваченных из разных точек пространства и времени, как в романе йеменца Ахмеда Зейна «Подтверждение статуса» (2004), — стиль, получивший в арабской критике название «осознание вещей», самым радикальным представителем которого был египтянин Ваил Рагаб (о нем см.: [8, с. 244–245]).

В 90-е годы в литературах разных стран Аравии начинается активное экспериментирование со структурой произведений, стилем и языком повествования, направленное по большей части на сохранение и развитие национальной самобытности литературы в условиях культурной глобализации. Так, например, неотрадиционалистские тенденции, появившиеся в романах египтян Нагиба Махфуза и Гамалы аль-Гитани еще в 70-е годы [8, с. 216–217], нашли продолжение в творчестве саудита Абдо Халия и эмирата Мухаммеда аль-Харби, пытающихся сблизить структуру и повествовательный стиль романа с устным народным эпосом, объединяющим множество сюжетных линий, не имеющих отчетливой иерархии. Другие аравийские авторы, используя опыт латиноамериканского «магического реализма», заимствованный также и другими арабскими литературами, обращаются к фольклору и народным поверьям, вводя соответствующие «магические» сюжеты в реалистическое повествование. Характерные черты магического реализма можно видеть, например, в рассказах писателей из ОАЭ Сельмы Матар Сейф, Абд аль-Хамида Ахмеда и Али аш-Шархана, йеменцев Абд аль-Карима ар-Разиhi, Абд аль-Фаттаха Абд аль-Вали, Мухаммеда аль-Гарби Амрана, Арвы Абдо Усман, оманки Бадрии аль-Вахайби.

В эти же годы получает развитие — особенно в творчестве авторов-женщин — особый стиль, сочетающий модернистскую эстетику с «поэтизацией» языка повествования, зародившийся еще в творчестве египетских прозаиков-модернистов 60-х годов [8, с. 165]. Вот какую характеристику дает этому стилю шведская исследовательница Г. Рамсай: «Писатели-модернисты из стран Персидского залива, использующие этот стиль, будто стремятся возродить представление, традиционно занимавшее центральное место в арабской литературе и заключавшееся в том, что вопрос “Как писать?” является более важным, чем вопрос “О чем писать?” <...> Другими словами, опираясь на одно из традиционных положений арабской литературы — приоритет формы перед содержанием, включая и языковое оформление, — они одновременно отдают должное и реализму, явлению, заимствованному из литературы Запада. Так же, как и в случае восприятия поэзии, такой стиль требует активного взаимодействия между читателем и текстом в процессе выстраивания смысла этого текста <...> Более того, в произведениях этих писателей соблюдаются и такие принципы модернизма, как сложность формы и освобождение повествования от заданных рамок сюжета» [9, р. 374]. И далее: «Примечательной особенностью их произведений является поэтический стиль, в котором они используют богатый словарь и риторические приемы арабского литературного языка <...> Их художественная проза отличается чертами, присущими лирике, такими как риторические украшения, метафоры и другие фигуры речи, иносказательный язык, двусмысленность и многозначность, косвенные указания и намеки на то или иное» [9, р. 382]. «Языковой стиль такого повествования требует от читателя скрупулезного сбора, сведения воедино и интерпретации фрагментарной и метафорической информации относительно персонажей и самого сюжета с тем, чтобы можно было понять смысл текста» [9, р. 388]. Подобный стиль стал визитной карточкой многих аравийских писательниц: Худы аль-Атас, Набили аз-Зубейр, Амины Йусуф, Нуры Зейля, Бушры аль-Мактари, Муны Башрахиль в Йемене, Алии Ша'иб в Кувейте, Фаузии Рашид и Муниры Фадель на Бахрейне, Мирьям Джум'ы Фарадж в ОАЭ, Хаули Хамдан в Омане. В подобном стиле пишут и некоторые авторы-мужчины, например эмиратец Сани ас-Сувейди, йеменец Абд аль-Вакиль Джазем, саудит Мухаммед Альван, оманец Абдаллах Хабиб. С развитием этого стиля тесно связано появление в аравийской прозе нового жанра — очень короткого рассказа (*кысса касыра джиддан*), создателем которого считается египетский прозаик Мухаммед аль-Махзанги [8, с. 177]. Произведение этого жанра представляет собой одну или несколько фраз, в яркой, обычно метафорической форме передающих какую-либо одну мысль или одно ощущение, и поэтому его эстетика базируется не столько на содержании текста, сколько на его языковом оформлении. Особую популярность этот жанр приобрел также среди авторов-женщин.

Развитие реализма и модернизма в литературах стран Аравии проходило, таким образом, почти одновременно, с гораздо меньшей «разнесенностью» во времени, чем это было в литературах Египта, Ливана и Сирии. Об этом свидетельствует, в частности, творческий путь многих аравийских писателей. Йеменец Ахмед Махфуз Омар, начавший в 50-е годы с просветительских по содержанию рассказов, в 60-е стал приверженцем критического реализма и революционного романтизма, а в 70-е был уже признанным модернистом. Кувейтц Исмаил Фахд Исмаил, в 60-е годы сторонник едва ли не социалистического реализма, вскоре стал использовать различные модернистские приемы, а его романы начала 2000-х годов можно считать уже в некоторой степени постмодернистскими. Бахрейнка Фаузия Рашид, чей роман «В осаде» был признан об-

разцом зрелого реализма, уже спустя семь лет публикует роман «Метаморфозы рыцаря-чужестранца в исконно арабских землях» (1990) — показательный образец «поэтизированной» модернизма. И таких примеров в литературах Аравии множество.

Подобное «экспоненциальное» ускорение заимствования литературой новых идей и художественных методов, вызванное экспоненциальным же ускорением развития информационного обмена, помог аравийским литературам выйти к началу XXI в. фактически на один стадийный уровень с литературами тех арабских стран, в которых процесс обновления начался намного раньше.

Литература

1. *Ковырина Н. Б.* Проза Иордании. М., 2005. 261 с.
2. *Суворов М. Н.* Художественная проза Йемена (1940 — середина 2000-х годов). СПб., 2010. 359 с.
3. *Michalak-Pikulska B.* The contemporary Kuwaiti short story in peace time and war. Kraków, 1998. 192 p.
4. Ветры залива. Рассказы. М., 1983. 264 с.
5. *Кирпиченко В. Н.* Современная египетская проза. 60–70-е годы. М., 1986. 293 с.
6. *Michalak-Pikulska B.* Modern poetry and prose of Oman. 1970–2000. Kraków, 2002. 440 p.
7. За дюнами. Антология современной саудовской литературы. М., 2009. 533 с.
8. *Кирпиченко В. Н., Сафронов В. В.* История египетской литературы XIX–XX веков. Т. 2. М., 2003. 270 с.
9. *Ramsay G.* Styles of expression in women's literature in the Gulf // *Orientalia Suecana*. Vol. LI–LII (2002–2003). Uppsala: Uppsala University. 2003. P. 371–390.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.